

УДК 81'373.6

Н.С. САНЬЯРОВА
(Алматы)

ТРАКТОВКА РЕДУПЛИКАЦИИ С ПОЗИЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ И ИЗБЫТОЧНОСТИ

Тенденции языковой экономии и избыточности разрабатываются и описываются в лингвистике с различных позиций, в частности, выделяются виды избыточности. Предлагается интерпретация взглядов различных исследователей на отдельные аспекты экономии и избыточности, анализ которых необходим для понимания процессов, протекающих в сфере редупликации. Представление об избыточности/экономии относительно редупликации лишь на первый взгляд кажется однозначным. Логика рассуждения выглядит незамысловатой: все, что повторяется, – является избыточным, а значит, – неэкономным. Однако редупликация – это уникальное явление, избыточность характерна для её языковой сути, поэтому не несет отрицательной коннотации, напротив, редупликация оказывается избыточной в плане выражения и одновременно экономной с точки зрения плана содержания.

Ключевые слова: редупликация, языковая экономия, языковая избыточность, уникальность.

NAILYA SANYAROVA
(Almaty)

INTERPRETATION OF REDUPLICATION FROM STANDPOINT OF LINGUISTIC ECONOMY AND REDUNDANCY

The tendencies of linguistic economy and redundancy are developed and described in Linguistics from various standpoints, particularly, the kinds of redundancy are distinguished. The article deals with the interpretation of different researchers' points of views to certain aspects of economy and redundancy, which are necessarily analyzed to understand the processes taking place in the sphere of reduplication. The imaginations of redundancy/economy about reduplication are seemed to be unique only at first sight. The logic of reasoning is simple: everything, that is repeated, is redundant, that means uneconomic. However reduplication is a unique phenomenon, redundancy is illustrative of its linguistic essence, consequently it doesn't carry a negative connotation. Instead reduplication turns out simultaneously to be redundant in the expression plane and economic in the content plane.

Key words: reduplication, linguistic economy, linguistic redundancy, uniqueness.

Редупликация представляет собой «повтор, удвоение корня, основы или целого слова» [6, с. 302]. Данное языковое явление широко распространено в современном русском языке, например: «*Передача теперь называется "Души прекрасные порывы"*. – *И она засмеялась тихо-тихо*» (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница), «*Чисто Чисто*» (сайт профессиональный домашних помощников) и т. п., что говорит о востребованности и продуктивности явления. Исследованию редупликации уделяют внимание многие современные лингвисты, анализирующие её как фрагмент русской языковой картины мира [15], как особый вид художественного средства [16], как принадлежность языка СМИ [4] и т. д.

Характеристика редупликации с позиций языковой экономии и избыточности, на первый взгляд, кажется однозначной, что объясняется, прежде всего, её визуальным восприятием: в тексте представлены две одинаковые единицы, повтор. Однако исследование редупликации как уникального явления показало, что её оценка с указанных позиций нуждается в пояснении.

Целью статьи стал обзор литературы, посвящённой категориям экономии и избыточности в языке, и определение лингвистической сути редупликации с позиций избыточности и экономии языковых средств.

С.Л. Гизатулин отмечает, что высказывание не является точным отражением ситуации, действительности. В высказывании воспроизводятся лишь некоторые значимые элементы ситуации,

а остальные элементы могут опускаться ввиду их ясности, известности. Иначе говоря, в поверхностной структуре высказывания могут не отражаться элементы, имеющиеся в глубинной структуре [3]. Этим несоответствием между высказыванием и ситуацией объясняется интерес к семантической экономии и семантической избыточности, которые зависят от восприятия поверхностной и глубинной структуры высказывания. Позиция С.Л. Гизатулина по вопросу языковой экономии принципиальным образом отличается от традиционных трактовок данного явления. Обычно исследователями анализируется «тенденция к экономии языковых средств, которая проявляется в языке в появлении разнообразных сокращённых форм и структур» [9]. С.Л. Гизатулиным под экономией понимается не принцип наименьшего усилия, не формальная экономия, не внутреннее устройство системы, а семантическая экономия/избыточность в речи, т. е. «невывраженность каких-либо элементов ситуации в поверхностной структуре отображающего ее высказывания» [3, с. 77]. Исследователь считает, что говорить об экономности/избыточности языка вообще недопустимо, можно лишь говорить об экономности/избыточности конкретного языка в конкретной ситуации. В итоге С.Л. Гизатулин обобщает свое видение семантической экономии и избыточности следующим образом: «Итак, экономия – это опущение элемента в поверхностной структуре высказывания, несмотря на его присутствие в глубинной структуре. Однако существует и обратное явление. Оно имеет место, когда одному элементу глубинной структуры соответствует несколько элементов поверхностной структуры. Такое явление, противоположное ранее описанному, мы будем называть речевой (ситуативной) избыточностью» [Там же, с. 80]. На наш взгляд, идеальным примером обратного явления поверхностной структуры является именно редупликация, т. к. она представляет собой один элемент глубинной структуры и, как правило, два элемента поверхностной структуры. При этом внешняя форма редулицированной конструкции побуждает лингвистов считать редупликацию, правда, с оговорками, избыточной.

Проблеме избыточности и экономии в современном языкознании придается немаловажное значение, в частности, её глубокому и разностороннему анализу посвящён сборник трудов Института лингвистических исследований РАН «Избыточность в грамматическом строе языка» [7]. В предисловии отмечается, что работы лингвистов, интересующихся данной проблемой, отличаются разнообразием привлекаемого материала и применяемых методов описания. По мнению редактора сборника М.Д. Воейковой, «полученная картина отличается пестротой и разнообразием представленных точек зрения» [Там же, с. 7], т. к. учеными были продемонстрированы разные точки зрения на явление избыточности, которые до сих пор уточняются.

М.Д. Воейкова отмечает, что интерес к языковой избыточности сформировался в науке в то время, когда лингвисты начали разрабатывать так называемый «принцип языковых усилий». Термин «избыточность» несет негативную коннотацию, т. к. считается, что: «1) желая быть однозначно понятым, говорящий, тем не менее, старается приложить как можно меньше усилий к тому, чтобы оформить свое сообщение; 2) и в системе языка, и в реализованном высказывании каждый семантический компонент в идеале должен быть представлен» [2, с. 9]. При этом «на передачу малейших семантических нюансов говорящие не жалеют языковых средств» [Там же, с. 9]. К языковым явлениям, свидетельствующим об устойчивости семантической избыточности на лексическом уровне, М.Д. Воейкова относит плеоназм и тавтологию. Безусловно, сказанное в полной мере относится и к редулицированным конструкциям.

М.Д. Воейкова считает, что целесообразно различать интенциональную и неинтенциональную избыточность, которые, несмотря на различные понимания, выполняют сходную функцию – облегчение процесса говорения и понимания. Исследователь пишет, что различное понимание термина «избыточность» привело к тому, что лингвисты начали разграничивать «основные разновидности избыточности, такие как интенциональная (сознательно используемая говорящим) и неинтенциональная, синтагматическая и парадигматическая, информационная и знаковая избыточность» [Там же, с. 20]. Полагаем, что термин «неинтенциональная» наилучшим образом позволяет подчеркнуть специфику редуликации, состоящую в том, что её так называемая избыточность естественна и неконтролируема. Редули-

кация используется говорящим не сознательно, а спонтанно, и объясняется это в первую очередь её локализацией в разговорном стиле речи.

То, что в естественных языках постоянно действуют две противоположные тенденции (тенденция к экономии усилий и тенденция к обеспечению избыточности), подчеркивается и в статье Е.В. Грудевой, которая отмечает, что если принцип экономии воспринимается исследователями как языковая закономерность, то избыточность того или иного элемента нередко оценивается отрицательно, как речевой недостаток, и повторяющийся элемент характеризуется как лишний, ненужный. При этом Е.В. Грudeва поясняет, что «в контекстах же *избыточность текста, избыточность языка* (как кода) это слово используется вне оценочных категорий и приобретает статус термина» [5, с. 74]. Изучение работ по теории информации натолкнуло Е.В. Грudeву на мысль, что следует отграничивать избыточность языка от повторов в тексте. Исходя из этого, она впервые выдвинула гипотезу о том, что меру избыточности можно проверить. Из текстов, отличающихся друг от друга семантической и синтаксической структурой, было изъято определенное количество информации по тем или иным принципам. В текстах выделены различные типы избыточности: фонетическая и графическая; синтаксическая и грамматическая; семантическая; конвенциональная.

На материале четырех текстов: разговорный монологический; художественный (жанр – рассказ); газетный (аналитическая статья); научный (фрагмент из хрестоматии по психологии восприятия) – исследователь устанавливает зависимость между типом текста и степенью его избыточности, а также выясняет вклад различных элементов в общую избыточность. Исследование Е.В. Грudeвой показало, что различные типы текстов наделены неодинаковой степенью избыточности, которая складывается за счет разных составляющих.

В статье И.В. Кузьминой речь идет о дублировании одного и того же понятия как о случае языковой избыточности [11]. В научном стиле часто встречаются высказывания, которые содержат дублирующую информацию, не добавляющую ничего нового к уже переданному смыслу. И.В. Кузьмина пишет, что в термине «избыточность» прилагательное «избыточный» синонимично слову «лишний», вследствие чего «создается иллюзия инкорпорирования отрицательной оценки в терминологический аппарат, а на перцептивном уровне у реципиента формируется отрицательный аксиологический компонент» [Там же, с. 143]. Однако не всё так однозначно, т. к. «избыточность, о которой идет речь, может быть полезной, поскольку она способствует экспрессивности и помехоустойчивости, хотя и приводит к уменьшению скорости передачи информации» [Там же, с. 143]. Благодаря тому, что сообщения избыточны, от читателя не требуется огромной концентрации внимания, чтобы следовать за мыслью создателя текста и тем самым участвовать в «диалоге» с ним. Более того, любое сообщение в той или иной степени избыточно, поэтому избыточность – это сущностный признак всякого высказывания. Как следствие, И.В. Кузьмина предлагает ввести другой термин для обозначения избыточности, который не был бы наделен отрицательной коннотацией.

Среди специальных исследований также выделяется статья М.Ю. Нечепуренко [14]. По мнению автора, опирающегося на теорию коммуникации, в непосредственном речевом общении, чтобы быть услышанным и понятым партнером, необходимо приложить усилия, т. е. нужно контролировать понимание и внимание своего собеседника, обеспечивать и проверять доступность речи. Это становится возможным благодаря наличию в языке «избыточных средств», к которым относят конструкции, формально избыточные по своему сегментному составу, а именно именительный темы, вставочные конструкции, конструкции добавления, конструкции с удвоением. Все эти языковые элементы представляют собой примеры коммуникативно значимой, оправданной избыточности. Будучи распространенными в устной и письменной речи, они выполняют определенные функции: перцептивную (гарантируют понимание), контролирующую (контролируют восприятие) и эмоционально-экспрессивную (передают чувства, придают высказыванию особую выразительность). Две последние функции, по нашему мнению, характерны для конструкций с редупликацией. М.Ю. Нечепуренко справедливо отмечает,

что данные функции перекрещиваются и создают большое количество переходных случаев, а их негативная оценка неверна: «В плане выражения такие конструкции, безусловно, избыточны. Но в коммуникативном отношении такое употребление не является лишним, потому что таким образом говорящий обращается к личному опыту собеседника, а также пытается контролировать степень понимания слушателем его суждений» [14, с. 128]. Наблюдается, на наш взгляд, парадоксальное отношение к анализируемым конструкциям: отмечается, что они избыточны в плане выражения, но в то же необходимы в процессе коммуникации. Коммуникативная значимость показывает, что «избыточность» является сущностной чертой редуцированных языковых элементов и без неё они немыслимы.

Нам импонирует точка зрения на избыточность Л.А. Исаевой, нашедшая отражение в её докторской диссертации [8], в которой в числе прочего рассматривался вопрос об особенностях повтора в художественном тексте. Исследователь считает, что по отношению к художественному тексту понятие «избыточность» не совсем применимо, т. к. художественный текст требует иного подхода к пониманию категории новизны информации. Поэтому Л.А. Исаева справедливо утверждает, что «если в нехудожественных текстах повтору информации соответствует нулевая степень новизны, то в художественном тексте, напротив, неоднократное повторение какой-либо информации свидетельствует о ее контекстуальной важности, причем каждый новый повтор детали приводит к обрастанию ее новыми смыслами, тогда как единожды воспроизведенная информация может остаться irrelevantной для основной мысли художественного текста. Таким образом, к тексту художественного произведения не приложимо универсальное для текстов других типов понятие информационной избыточности, поскольку каждый повтор информации ведет к приращению смыслов, информационному обогащению текста» [Там же, с. 94].

Мы считаем, что утверждение Л.А. Исаевой о неприменимости к художественным текстам представления об информационной избыточности соответствует истине, т. к., действительно, при редукации, например, происходит приращение смыслов. Повторы, и в том числе редукация, являются не только стилистическими приемами, позволяющими мастерам художественного слова усилить смысловую значимость определенного фрагмента высказывания; акцентировать внимание читателей на различных оттенках значения; придавать речи образность, эмоциональность, экспрессивность и т. д. Они призваны также актуализировать какую-либо информацию. Редукация, являющаяся выразительным средством, основанным на повторе языковых элементов, уникальна и универсальна. Редукация без повтора (удвоения) не была бы редукацией, поэтому вменять конструкции в вину избыточность, принадлежащую ей по праву, по меньшей мере некорректно.

В статье М.И. Мехеды четко обозначено отношение автора к редукации с точки зрения категорий экономии и избыточности: «Несмотря на внешнюю, казалось бы, избыточную форму редукатива, информативность и сжатость номинативного значения редукатива в сочетании с большой эмоционально-оценочной составляющей может быть рассмотрена с точки зрения экономии умственных усилий при выборе редукатива в качестве единицы высказывания» [12, с. 15]. Как видим, избыточной считается форма редукатива, которая, однако, не представляет неудобства для понимания высказывания. Напротив, в сочетании с эмоционально-оценочной составляющей, т. е. содержанием, избыточность редукатива трансформируется в экономию. Следовательно, наличие редукативов как характерного признака разговорной речи не только оправдано, но и целесообразно.

Впоследствии М.И. Мехеда продолжила анализ избыточности и экономии применительно к редукации в диссертационном исследовании, где выдвинула гипотезу о том, что «несмотря на внешнюю, избыточную форму редукатива, информативность номинативного значения данной лексической единицы в сочетании с широким коннотативным и прагматилистическим спектром может быть рассмотрена как экономически предпочтительная при выборе редукатива в речевом акте» [13, с. 8]. Языковая экономия редукативов, по мнению М.И. Мехеды, проявляется в увеличении объема ин-

формации лексической единицы за счет иконической закреплённости ряда значений за разноуровневыми единицами, которые характеризуются экспрессивностью, аксиологичностью, полисемичностью. Иконичность «облегчает декодирование информации реципиентом в процессе акта коммуникации, а также способствует экономии умственных усилий при выборе эффективного средства передачи информации говорящим» [13, с. 12]. Языковая избыточность проявляется в поливариативности формальной структуры и синонимической вариативности, а также в привнесении дополнительной экспрессивности и оригинальности. Кроме этого, избыточность – это способ повышения информативности сообщения на уровне дополнительной информации, в которой помимо вышеуказанных значений выделяется кодирование ряда элементов. М.И. Мехеда, сопоставив субстандартную редупликацию в русском и английском языках с позиции дихотомии «экономия vs. избыточность», приходит к выводу о том, что редупликацию следует рассматривать как «сложный многоплановый процесс образования информативно ценной, экономически выгодной лексической единицы» [Там же, с. 25]. Таким образом, избыточность редупликативов не считается исследователем недостатком, напротив, благодаря избыточности, редупликация как лексическая единица экономна и выгодна.

В кандидатской диссертации Бекташа Локмана отмечается стремление человека к выражению мысли экономным способом, с использованием специальных кодирующих средств, в том числе и редупликации [1]. Повторы как стилистические средства воздействуют на читателя эмоционально и логически. Экспрессивность повторов основана на их избыточности в номинативном плане, но она ничего не привносит в предметно-логическую сферу информации. Именно поэтому их расценивают как избыточность. Исследователь считает, что «пользоваться термином “избыточность” для повтора можно лишь с оговоркой, в связи с тем, что повтор передает значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации и, кроме того, часто служит важным средством связи между предложениями, причем иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной, прагматической <...>. Следовательно, при повторении чего-то одного реализуется принцип экономии других речевых ресурсов» [Там же, с. 59]. Как видим, мнение автора совпадает с вышеприведенным суждением М.И. Мехеды о том, что принцип экономии реализуется посредством повторения, избыточности.

Создаётся парадокс в интерпретации редупликации с позиций языковой экономии и избыточности: экономия языковых средств и усилий в высказывании достигается благодаря их избыточности. Иначе говоря, избыточность порождает экономию. Однако явление парадоксально только на первый взгляд. О.Ю. Крючковой принадлежит тонкое наблюдение относительно сущности редупликации, на которое ссылаются практически все исследователи: «Одной единице плана содержания соответствуют две единицы плана выражения» [10, с. 71], т. е. парадоксальный характер заложен в саму суть редупликации.

Итак, применение понятия двуплановости к интерпретации редупликации с позиций языковой экономии и избыточности дает адекватное объяснение процессу редупликации, его языковой сути. Процесс редупликации, как и любой другой системный языковой процесс, двупланов: он имеет план содержания (редупликант) и план выражения (редупликаторы). Редупликация одновременно экономна, потому что выражаемая с её помощью информация соответствует одной единице плана содержания, и избыточна, потому что информация репрезентируется посредством двух единиц плана выражения. В процессе коммуникации происходит экономия языковых средств за счет избыточности редупликации, причем экономия происходит спонтанно, неосознанно, естественно. Коммуникант, повторив при редупликации языковую единицу, оказывается избавлен от построения длинного высказывания, т. е. происходит экономия усилий за счет избыточности конструкции. Редупликация как языковое явление универсальна своей парадоксальной двуплановостью с точки зрения языковой экономии и избыточности. Парадоксальная суть редупликации делает её перспективным предметом исследования.

Литература

1. Бекташ Локман. Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2015.
2. Воейкова М.Д. Избыточность в системе языка и разные формы ее проявления // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2. С. 9–21.
3. Гизатулин С.Л. Семантическая экономия и избыточность в речи // Филологические науки. 2001. № 2. С. 75–84.
4. Гималетдинова Г.К., Ибрагимова Э.И. Редупликация в современной медиаречи // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2015. № 1. С. 36–40.
5. Грудева Е.В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2. С. 73–89.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. Назрань: Пилигрим, 2010.
7. Избыточность в грамматическом строе языка / отв. ред. М.Д. Воейкова. СПб.: Наука, 2010. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 6. Ч. 2).
8. Исаева Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1996.
9. Крылова М.Н. Язык как динамическая система // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 1(9). С. 189–194.
10. Крючкова О.Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 68–84.
11. Кузьмина И.В. Феномен языковой избыточности // Вестник Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2011. № 1. С. 142–147.
12. Мехеда М.И. Дихотомия «экономия vs. избыточность» в субстандартном словообразовании (на материале русских и английских редупликативов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2010.
13. Мехеда М.И. Прагмастилистические функции редупликативов в художественном функциональном стиле (на материале произведений современных русскоязычных и англоязычных авторов) // Lingua mobilis. 2009. Т. 19. № 5. С. 11–22.
14. Нечепуренко М.Ю. Избыточные конструкции в разговорной речи // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2014. С. 125–128.
15. Панков Ф.И. Редупликация как фрагмент русской языковой картины мира // Малые языки. 2017. № 3. С. 30–33.
16. Сыдыкова Т.К. Редупликация – особый вид художественного средства // Апробация. 2016. № 5(44). С. 50–51.